

Андрей Мансуров
Конан и Слуга Золота

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Мансуров А. А.

Конан и Слуга Золота / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Конану – двадцать восемь. Вроде, и зрелый возраст, пора остепениться, и найти более достойное применение не только мускулам, но и мозгам. Но неистребимый Дух искателя приключений все не дает успокоиться, гонит и гонит через страны и моря, в поисках денег и... Себя! Попад в очередную заштатную дыру после очередного крупного "дела", киммериец думает, что нашел, наконец, свою... ну, если не единственную, то – любимую сильнее всех, Женщину. Однако он и не подозревает, что его избранница вскоре станет жертвой коварного похищения. А понадобилась она, разумеется, жестоким и не слишком обремененным моральными устоями жадным проходимцам, чтобы... Да, разумеется! Жертвы - красивые женщины - нужны, чтобы Древнее Полубожество переработало их тела самым изощренным способом в... Золото! И вот, спасая, как уже не раз бывало, беззащитную любимую, варвар заодно спасает, как бывало еще чаще, и весь Мир. Старый друг, "коллега" по прошлым воровским проделкам, полностью владеющий тайнами Восточного менталитета, помогает найти верных союзников-помощников - таких же прожженных авантюристов... Правда, хоть большую часть работы Конан, как всегда, делает сам, он сильно ранен, и на этот раз ему не обойтись без помощи и друга-волшебника – великого Западного мага Пелиаса... Чтоб вылечиться, и окончательно уничтожить древнюю Тварь! Но враги, оставшиеся в живых, разумеется, тоже не сидят сложа руки! Как и во всех произведениях о могучем северном воине – скучно не будет.

© Мансуров А. А., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Конан и Слуга Золота

Роман.

Посвящается Р. Говарду.

Сознание выплыло из чёрной бездны рывком.

Где он?! Кто он?!

О-о!

Он вспомнил.

Но что же с ним случилось? Почему он был... А где он был? Почему – вместо воспоминаний о ближайшем прошлом – только бездонная дыра?!

Хм. Если подумать – можно догадаться. Ему хотели помешать. Помешать исполнять своё предназначение. Свою работу. А способ остановить его – лишь один.

Его заколдовали. И заколдовал его кто-то очень сильный.

Но – менее сильный, чем его Создатель! Иначе он вообще не пришёл бы в себя. А так – получается, он вроде... Спал.

А раз так – пора ему просыпаться!

И снова заняться тем, что ему предначертано Создателем!

Поглощать эти тёплые и мягкие тела! Тела смертных. Разумных смертных. Людей.

Мужчины. С их отвратительными привкусами железа и мочи: когда видят его – всегда – ...! Вот именно!

Женщины. О, он обожает женщин. Словно изысканное лакомство! Десерт. И – одновременно и источник для... Переработки. В то, к производству чего приспособил его организм Создатель! В основу основ! Во всеобщее Мерило.

А ещё он знал и другие способы «использования» женских тел.

Для ублажения своих прихотей! Похоти. Жажды наслаждения чужими мучениями!

О, он-то помнил!..

Как они, вначале храбро и гордо, пытаются воспрепятствовать ему. Проклинают, сопротивляются (Вот именно – это так смешно! Сопротивляться – *ему!*.. Ха-ха.) Затем – рыдают. А затем – стонут, визжат и извиваются!

И в конце – лопаются! Лопаются, словно надутые бурдюки, разбрызгивая вокруг кровь и куски слабой плоти, не в силах противостоять напору его семени!

Семени Полубога!

Хорошо, что он проснулся. Потому что он чувствует, ощущает: вокруг – много людей.

Похоже, его ждёт много...

Работы.

Поковыряв в правой ноздре, Хаттаф с вялым интересом рассмотрел мизинец, и задумчиво вытер его о засаленные и продубевшие от пота и пыли, шальвары. Поскрёб реденькую щетину на подбородке. Посмотрел вверх, туда, где своды огромной пещеры терялись в непроглядном мраке, и даже яркий огонь факелов не рассеивал гнетущее чувство ничтожности человека перед величием природных подземных чертогов. Покачав головой, сплюнул прямо под ноги. Всё же к службе в этом чёртовом подземельи нужно привыкать долго. Особенно такому молодому и привыкшему к открытым, продуваемым всеми ветрами, пространствам гор и долин, парню, как он.

Очередной взрыв дикого гогота прервал его невесёлые думы и направил их в несколько иное русло. Ну да, так и есть. Резван опять выиграл. Ха! Никто и не сомневался...

Хаттаф уже понял, что это – особый дар его начальника: необычайная удачливость во всяких играх. Не иначе, как сам Бэл направляет его руку со стаканчиком костей! Низкорослому и пузатому унбаши так везло, что это воистину стало притчей во языцех не только в гарнизоне, но и в городе. И Резвану становилось всё труднее найти идиота, согласившегося бы сразиться с таким непобедимым противником в игре на деньги.

Потому что никто из знавших Резвана достаточно долго, не верил, что можно честным путём обыграть – либо нечистого на руку, но чрезвычайно ловкого кидалу... Либо и впрямь, продавшего душу покровителю всех воров и игроков, человека.

Только новобранец, или иностранец мог, не ведая о тайном даре кривоzubого и самолюблённого чревоугодника, ввязаться с ним в игру на наличные... А уж ведая, как добрая половина города – только дурачок!

Вот и сам Хаттаф в этом смысле не стал исключением.

Около недели назад, получив первое же жалование, и отмечая это событие в прокопчённом и насквозь провонявшем дешёвым кислым вином и горелым маслом и потом, огромном зале постоянного двора «Райский сад», он почему-то решил, что амулет матери – простая глиняная свистулька на шёлковом шнуре, которую он носил на груди под кольчугой и рубахой – поможет ему победить грозу притонов и кабаков Ферхема.

Нет, больше так пить нельзя. Явно мозги молодого сардара были не совсем в порядке, раз он ввязался в это дело. Но ведь в начале, вроде, всё шло как надо: выигрыши, проигрыши чередовались, и он то терял, то отыгрывался. Потом...

Потом ему явно попёрло! А тут ещё крики и подначки, которыми подбадривали его эти предатели-болельщики: свои же сардары, и совершенно, вроде бы, посторонние люди. Можно было подумать, (когда, правда, думать стало поздновато!) что все эти сволочи подкуплены хитрецом Резваном – только для того, чтобы раззадорить наивного и полупьяного новичка ещё сильнее.

Но ведь гнусный план сработал: он сам – сам! – предложил поднять ставки, чуя, что ухватил, наконец, удачу за хвост!

Ну да, ухватил, как же! Только явно не за хвост, а за другое место...

Он опять раздражённо сплюнул, и перенёс вес тела на другую ногу, перехватив поудобней тяжёлую секиру, на которую опирался руками и подбородком. Конечно, теперь-то он понимал, что унбаши просто играл с ним, как кошка с глупенькой птичкой, чтобы покрепче втянуть в игру. Чтобы уже нельзя было остановиться в тщетных и смешных для окружающих попытках отыгаться. А его враги-болельщики вокруг вовсе не подкуплены, а просто такие же несчастные, как и он – то есть, уже когда-то проигравшие коварному десятинику: кто – жалование за год вперёд, а кто – и за пять... А особо глупые, и старающиеся «поддержать» его особенно сильно – и пожизненно. Ведь хорошо известно: ничто так не утешает несчастного, как несчастье другого!

Нет, дружить, как он рассчитывал вначале, в этом чужом, незнакомом и развратном городе, не с кем. Как некому и доверять.

Особенно – тайны. И деньги.

Утешает одно: даже здесь, в этой мерзкой ловушке он сохранил остатки расчетливого ума и горской хитрости. Увидел шанс спастись, не отступаясь – что было бы позором на всю жизнь!

Когда жалование за два месяца вперёд было уже в кармане его подленько ухмылявшегося и посверкивавшего хитрущими глазками-бусинками, заплывшими в складках дряблого жирка, и «благородно» предлагавшего отыгаться, начальника, у Хаттафа хватило выдержки вначале потребовать вина – чтобы промочить, значит, горло! И когда чумазый паренёк-прислужник принёс новый кувшин, он похвалился один прикончить его – типа, почему, мол, кувшинчик такой маленький!

Ну, тут уж все переключились с игры в кости на новую потеху! И даже стали делать на него ставки! Впрочем, как с сожалением краем уха услышал, всё – даже прорезавшуюся во взгляде унбаши злость на непредвиденную задержку – подмечающий Хаттаф, лишь один – к семи...

Ну, он им и показал. Кувшин он и вправду прикончил. А что ему – горцу! – их разбавленные дешёвенькие вина! Да и налит тот был не до краёв – уж он-то просёк мошенничество кабатчика: раз компания пьяна и поглощена игрой – на недолив внимания не обратят!

Затем, продемонстрировав перевёрнутый кувшин, он очень удачно симулировал страстное влечение к старой толстой шлюхе, которая была так удивлена, что даже не противилась его объётыям, завалившим её на пару мгновений к нему на колени, и слюнявому поцелую...

Затем были закатившиеся глаза, падение плашмя на стол... А затем – и под него.

Он заставил-таки всех поверить, что и вправду отключился и заснул: богатырский храп и тщетные попытки окружающих растолкать его, сняли таким образом вопрос реванша к вящему удовольствию всех присутствующих, кроме, разумеется, обжоры Резвана. А Хаттаф, хоть и получил за глаза прозвище «лужёной глотки», хоть как-то спас своё лицо: ведь он не отказывался отыгрываться, что было бы прямым позором и поводом для бесконечных насмешек в будущем, а просто... Оказался не в состоянии продолжить увлекательную встречу, выиграв к тому же достаточно солидное пари! (Что позволило ему заиметь хоть какие-то деньги!) Да и те счастливчики, что поставили на него, тоже теперь на его стороне.

И пусть его сослуживцы ржут, как жеребцы – кувшин-то он выпил. И два месяца пройдут. Он подождёт. Деньги снова будут его, собственные! Что такое два месяца – лишь капля в его молодой жизни. А потом он сможет... Да, потом.

О, планы у него есть!

Его мысли вновь потекли в более приятном направлении.

Нет, он не будет повторять своих ошибок. Город уже и так многому научил его. Он будет хитрее и расчётливей всех своих дебилов-сослуживцев, интересы которых не идут дальше дармовой выпивки и толстозадой девки. Никто ещё не знает, как он может терпеть. И стремительно, словно бросившаяся кобра, действовать, когда придёт его время. Здесь – та же охота. Просто условия чуть другие...

Он знал, он ощущал в себе силу. Верил в свою Звезду. Чувствовал, что может, и должен стать большим человеком. Визирем. Или военным советником. Без денег, без связей, без знатного происхождения и имени, у него только один шанс сделать карьеру: выслужиться из простых воинов. При всей смехотворности такого плана – это возможно. И ничего, что начало не совсем удачное: тем приятней потом будет утереть всем этим насмешникам их глупые красные носы.

Подождите, вы ещё не знаете Хаттафа – его амбиций, его терпения, его расчётливости и его... злопамятности!

Он сможет пролезть наверх. Он изворотлив. Хитёр. Умеет выбрать время и место для удара. Подстроить смертельную ловушку... А как он умеет замечать следы! И, в конце концов, он очень силен физически, вынослив, и отлично владеет любым оружием. С детства это было для него необходимым условием выживания, чтобы уцелеть в постоянных стычках и набегах враждующих между собой, да и со всем остальным миром, маленьких, но гордых и независимых зачастую даже от номинальной власти султана, горных кланов.

Правда, в сардары столичного гарнизона слабаков и не берут. Но и здесь у него преимущество: кроме силы у него есть ещё и мозги. И он твёрдо знает, чего хочет добиться. В настоящее время первую ступеньку на лестнице его грядущей карьеры загораживает унбаши. Значит, придётся его убрать. Способ, как это сделать, у Хаттафа давно продуман. И – он уверен – никто из подчинённых этого бездарнейшего ничтожества не будет расстроен его преждевременной и «случайной» кончиной.

Нет, сама ликвидация унбаши – не проблема...

Но вот как сделать, чтобы именно Хаттафа, а не какого-нибудь глупого, пропившего последние мозги в кабаках Ферхема, но *заслуженного* ветерана гвардии поставили на освобождённое место – это действительно проблема. Причём – серьёзная. Ведь он служит лишь второй месяц.

Значит, нужно дискредитировать других членов своего десятка в глазах вышестоящего начальства, а себя – как-то проявить: доказать свою силу, находчивость, расторопность. И, главное – верность и лояльность. А для этого нужно что-то такое организовать. Ведь не может же он и вправду ждать счастливого случая выделиться – так может уйти и молодость, и сила... И, главное – желание.

Слишком хорошо он видел на примере стариков, как долг – кровной мести, или чего-либо другого, так же важного для чести клана или его отдельных людей, постепенно терял своё значение, а затем и смысл – из-за долгого промедления.

Нет, он не должен медлить со своими амбициями. Нужен случай.

Счастливый случай. Вот, если бы была война...

Сейчас, хотя его служба и престижна – охрана Царской сокровищницы! – но это не то, что в боевых частях. Не попасть ему на войну... Да и нет войны.

Ограбление?..

Вряд ли. Здесь можно годами плесневеть и покрываться пылью от скуки, а ничего так и не произойдёт. Вряд ли найдётся много идиотов, желающих штурмовать неприступный замок-дворец с высоченными стенами пятиметровой толщины, кучей часовых на них, и запасным полком личной гвардии султана, а расправившись с этими крутыми воинами, после часа блуждать в запутанном лабиринте подземелий скального основания, в поисках засекреченной и замаскированной пещеры-сокровищницы. Нет.

Нет, на эти варианты лучше не рассчитывать. Он должен всё организовать себе сам. То, что задача трудна, лишь подстёгивало его в составлении изощрённых проектов и планов. Он хитёр и находчив – его не может не осенить что-то оригинальное!

Амбициозные мысли новобранца-карьериста ни в коей мере не волновали его ни о чём не подозревающего начальника: под новые шутки и взрывы хохота тот продолжал выдавать очередному проигравшему его проигрыш натурой – очередную порцию увесистых оплеух! Играть на деньги с ним *его* подчинённые уже не могли. Они и вправду задолжали так, что уж и забыли, как выглядят монеты султаната Турфан – небольшого и формально независимого государства, расположенного между Шемом, Кофом и Аргосом, в предгорьях карпашских гор. Поэтому им приходилось терпеть: азарт шефа всё не проходил, а отказываться, или (не дай Мирта!) спорить с унбаши – нарываться на неприятности. Унбаши хотел всегда быть в форме. Ну правильно – руке нужна тренировка!

Хаттаф с напарником у двери в сокровищницу, и ещё трое, расположившихся у входного отверстия подземелья, не без злорадства наблюдали за экзекуцией тех, кто, по-идее, должен был отдыхать на скрипучем деревянном топчане, всунутом в одну из ниш возле горловины потайного туннеля, а вместо этого ублажали трезвого, а потому особенно придиричивого и старательного унбаши.

Двое сардаров играли с ним прямо на бочонке с питьевой водой, а ещё трое ворочались на прелой соломе топчана, пытаясь если не уснуть – такое вряд ли было возможно под смачные звуки затрещин и лошадиный гогот! – то хотя бы дать отдых уставшим от ненужного никому, но вынужденного стояния у входа в казну-сокровищницу, ногам.

Переведя скупающий взгляд на массивные, окованные железными полосами десятифутовые створки, о которые он иногда обтирался задом, Хаттаф с раздражением подумал, что вряд ли там, в действительности, есть что охранять. Бюджет крохотного государства, наверное, полностью уходил на обжору рангом повыше унбаши – самого султана, и дань королям

Аргоса – независимость, пусть и формальная, стоила недёшево. Да и нужна была только тому же султану – чтобы самолично обдирать своих подданных разными (и весьма многочисленными) налогами...

Что-то упало с потолка пещеры. Кажется, маленький камушек.

Хаттафа это насторожило. Но его напарник, прикрывшись секирой и прислонившись к косяку дверей мирно дремал, пользуясь «занятостью» десятника. Остальные его коллеги по караулу даже не почесались: похоже, вообще ничего не заметили. А если и заметили – не придали значения. Ну, камушек, и камушек... Мало ли.

Обычное дело в пещере. Плевать!

А зря. Хаттаф каким-то шестым чувством почувал и понял, что что-то началось.

И началось здесь, в этом подземельи!

Какая-то концентрация невидимой энергии. Возникновение и присутствие злой силы.

Сколько раз такое ощущение помогало ему избежать засад и ловушек!

О, да. Эта сила явно *не* добра! Смутное ощущение угрозы, злобы и невероятной силы будущего противника наполнили душу Хаттафа странным чувством: одновременно и дикой паники, и невероятного восторга! Преклонения! Перед *такой* силой.

И это ощущение, дар предвидеть и чувствовать опасность, лишний раз показывает, что он и впрямь создан для чего-то куда большего, чем должность простого сардара – ведь ни один из этих недоумков не почувал ровным счётом ничего, и, значит, не готов к неприятностям.

А в том, что они последуют, Хаттаф не сомневался. Чутьё горца не подводило его никогда. И мозгов – прислушаться к нему! – у него хватало!

Поэтому когда возник странный звук, он один держал оружие наизготовку, и был готов ко всему: драться, если противник по силам, или... Бежать, если одолеть врага окажется заведомо невозможно.

Ну уж теперь вздрогнули и загудели все его коллеги. Вскочили на ноги даже те, кто уминал боками и задами солому. Звук был и впрямь слишком необычен для погребённого под могучей многометровой толщей скалы необитаемого подземелья – низкий и громкий не то рык, не то вздох. Так мог бы зевнуть огромный слон, или носорог, про-снувшись, или завидев врага, вторгшегося на его территорию. И – что самое странное – шёл этот звук из-за запёртых и опечатанных дверей сокровищницы.

В недоумении все уставились на них, словно надеясь проникнуть взором сквозь трёхдюймовые доски и железные полосы. Коллеги-сардары Хаттафа опасливо переглядывались.

Ещё раз Хаттаф убедился в глупости и бездарности своего прямого начальника. Поколебавшись, и промедлив несколько драгоценных секунд, которые могли бы, может, спасти несколько жизней вверенных ему людей, он отнюдь не отослал никого за подмогой. А лишь сбивчиво, но громко, и с руганью, приказал всему десятку окружить злополучную дверь.

И с полминуты все, как бараны, пялились на неё и друг на друга.

Хаттаф, чутко прислушивавшийся, первым уловил угрожающую им теперь опасность, и, без спросу подскочив к дверям, подпёр массивный засов лезвием своей тяжёлой секиры, упревая толстое древко в щель между камнями пола.

– Ты что делаешь, дурья башка! – заорал перепуганный явно больше всех, унбаши, «смело» расположившийся позади полукруга настороженно сжимавших свои секиры сардаров, – Немедленно подбери оружие! И – в строй!

– Резван-бек! – тон Хаттафа был категоричен, – Нам нужна подмога! Пошлите...

– Заткнись, сопляк! Кому ты указываешь?! Сами справимся! Взять секиру, живо! – злой тон не совсем соответствовал ятагану, трясущемуся в руке, и бегавшим глазкам унбаши, – Ты у меня под трибунал пойдёшь! На галеры до самой смерти!..

– «Да, придурок, пойду, если останемся живы, и если найдёшь в Турфани – галеры!» – хотел ответить Хаттаф, вынимая из ножен на поясе кривой и остро отточенный клинок ятагана, но не успел. Зато успел отодвинуться подальше от дверей.

Тяжёлая устрашающая поступь кого-то огромного, находившегося теперь в сокровищнице, достигла дверей. И внезапно на них обрушился страшной силы удар!

Ничто, или никто из живущих на земле созданий не смог бы нанести такого чудовищного удара! Прочнейшие двери сразу подались вперёд, верхние петли соскочили со своих креплений, и удержались массивные створки только благодаря пресловутой секире, спружинившей удар, нанесённый в центр дверей!

Двое здоровенных новобранцев, принятых на службу немного раньше Хаттафа, не выдержав, в ужасе бросили оружие, и с криками устремились было к спасительному выходу туннеля. Но клинок десятника перехватил их, оперевшись прямо в горло первому бежавшему:

– Не так быстро, вы, идиоты обделавшиеся! – голос унбаши хоть и подрагивал ещё от страха, был достаточно убедителен, особенно подкреплённый стальным аргументом, – Первого, кто покинет пост, я самолично зарублю! Ну-ка, быстро по местам! И смотрите у меня: чтобы ни один из этих воров не ушёл живым! – трясущиеся стражи молча вернулись к своим секирам, и с явной неохотой подобрали их. Страх перед начальником, и наказанием пока явно был у них сильнее жажды жизни. Наивные дурачки.

Однако унбаши нашёл нужным ещё «подбодрить» своё бравое подразделение:

– Если из казны пропадёт хоть один медный обол, мне опять понадобятся волонтёры, потому что вы все будете посажены на кол! Лично я и прослежу!..

Хаттаф, безмолвно ухмыльнувшись про себя, понял, что унбаши хочет своими силами справиться с нападением, как он считал, воров-людей, атаковавших сокровищницу изнутри. Чтобы таким образом добиться того же, чего, собственно, желал и сам Хаттаф: славы, повышения, и денег. Одного только не учитывал «мудрый» унбаши – воров тихо ушли бы со своей добычей тем же путём, что и попали внутрь. Не в их интересах шуметь и привлекать внимание!

Нет, Хаттаф был уверен: ворами здесь и не пахло!

Затишье, длившееся после первого удара почти минуту, позволило этой сцене развиваться до конца: паникёры с оружием в руках заняли вновь свои места, будучи уверены, что уж с ворами-то, пусть даже вооружёнными тараном, они легко справятся, превосходя их недюжинной силой, выучкой и отличным вооружением.

Похоже, один Хаттаф понял, что дело не в таране. А, может, это поняли и другие... Но боялись признаться в этом даже самим себе. А ещё больше боялись трибунала. Резван отнюдь не шутил насчёт кола. Хаттаф был зол на них, и презирал: ни дать ни взять, настоящее пушечное мясо – ни инициативы, ни мозгов.

Самого Хаттафа второй удар, снёсший напроць двери, и отбросивший их створки прямо на двух растерявшихся идиотов, стоявших напротив, не застал врасплох: он уже вжался в шершавый камень небольшой ниши, облюбованной им загодя, ещё до первого удара, и теперь был почти невидим в тени, стоя возле дверного косяка. Он старался даже не дышать. Не говоря уже о том, чтобы не шевелиться.

Ведь воров или грабителем их непрощенный гость не был.

Как, разумеется, и человеком.

И магические восковые печати, наложенные на двери от злых духов и волшебства, судя по результату, нисколько его не смутили.

Мышцы огромного тренированного тела заныли от напряжения. Но чёртов камень не поддался. Так. Плохо. Но ничего не поделаешь – значит, придётся ковырять ещё.

Конан вновь поднял хитрый инструмент, больше всего напоминавший плоский длинный нож с двумя крючками на конце, с удобной хватистой рукояткой, и вновь просунув его в проделанную щель подальше, принялся дробить и выколупывать кусочки потемневшего от времени известкового раствора, которым была скреплена каменная кладка. Не забывал он и внимательно оглядываться и прислушиваться...

Десять минут такой работы позволили предпринять ещё одну попытку сдвинуть тяжеленный прямоугольный блок. На этот раз его усилия были вознаграждены, и, обливаясь потом и ругаясь – про себя! – киммериец расшатал, а затем и вынул из стены здоровенный каменный кирпичик.

Дальше пошло легче: соседние камни уже не были заклинены, и вынимались быстрее и легче. Не прошло и часа, как в прочной с виду трехфутовой толщины стене, образовалось неправильной формы отверстие, достаточное по габаритам, чтобы пропустить гиганта-варвара.

Ещё раз оглядевшись и прислушавшись, Конан поправил огромную суму, переброшенную через плечо, проверил верный меч в ножнах на спине. После чего нырнул в темноту сокровищницы.

Здесь было словно в могиле – темно и душно. Затхлый, пыльный воздух нуждался в замене. Похоже, не часто здесь проветривают! (Да и как проветришь помещение, отделённое от остального подземелья стенами и потолком в три шага!) Впрочем, такие мелочи киммерийца не смущали. А вот почти абсолютная темнота каменного мешка не позволяла даже с его по-кошачьи острым зрением разглядеть как следует внутреннее устройство и содержимое комнаты, план атаки на которую он вынашивал и разрабатывал больше месяца.

Много же ему пришлось поработать! И дело даже не в том, что пришлось бесшумной и бесплотной тенью проскользнуть мимо пятерых часовых – те, впрочем, не слишком усердно бдили, полагаясь на слух и нюх собак – и подняться по отвесной наружной стене. Стене крепости-резиденции грозного Вазифбея – главы военного ведомства и полицейского департамента эмирата Хауран, а фактически – первого вельможи и самого состоятельного человека его столицы Бартанга.

И дело не в том, чтобы заранее обработать сонным порошком, не имеющим запаха, еду сторожевых волкодавов. И даже не в том, что пришлось путешествовать по крышам, а затем и проделать в одной из них отверстие – а представьте, как трудно абсолютно бесшумно разобрать черепицу! Про двухчасовое колупание, расшатывание и разбор стены трёхвековой выдержки уже и упоминать не стоит: здесь требовались только терпение и сила...

Нет, главным в этой аванюре было отнюдь не его высокопрофессиональное мастерство вора-авантюриста международного класса. Забраться к сокровищам даже внутрь такой охраняемой со всех сторон цитадели, может и другой вор. (Что они, кстати, уже и делали пару раз!)

А вот унести благополучно ноги, прихватив добытое – настоящая проблема! Лавры двух распятых бедняг Конана отнюдь не прельщали. Ведь не зря он столько лет отдал освоению воровского искусства: теперь у него был и необходимый опыт, и инструменты, и, главное – искушённые мозги.

Поэтому самым сложным было найти достоверный источник, и купить нужную информацию. Две недели он искал нужного человека – пришлось в конце-концов, после сотен часов осторожных намёков и расспросов, и выпитых кружек в столичных кабаках, поехать в местечко Еланташ, в сорока милях от столицы.

А затем ещё почти две недели с помощью увесистых золотых аргументов уламывать этого отнюдь не глупого крепкого старичка рассказать то, что интересовало Конана. Сказать правду, заплатить пришлось гораздо больше, чем он рассчитывал. Так что если сейчас Конан не компенсирует себе затраты на эту операцию, через очень короткое время можно смело положить зубы на полку – есть, пить и гулять будет не на что. А возвращаться к обрыдшей и тоск-

ливо-скучной работе наёмника очень не хотелось – всегда глупо делать шаг назад, к уже пройденному этапу жизни...

Ладно, к чему эти мысли теперь – ведь он внутри, и все хитроумные ловушки и магические наговоры успешно обойдены. И он честно выполнил условия договора: дал Паухмеду, бывшему (списанному из-за отсечённой в глупой пьяной ссоре кисти руки) телохранителю Вазифбея, пять дней на улаживание дел в Еланташе, и быстрое отбытие со всеми родственниками в неизвестном направлении.

Явно у покалеченного физически, но сохранившего на редкость ясное и практичное мышление ветерана, имелись свои (основанные, надо думать, на конкретных примерах) соображения насчёт мстительного, злопамятного и коварного нрава бывшего хозяина. А, собственно, какой ещё может быть характер у человека, по трупам конкурентов пролезшего на своё место, и сейчас державшего под каблуком всех придворных?

Да и самого Эмира. Превратившегося в простую марионетку. Зато – родовитую.

Бэл с ним, с этим Паухмедом. Куда и как скрыться из страны – это его проблема. А у Конана сейчас – другие заботы. Порывшись в любимой суме, он достал крохотный светильник и кремень с кресалом. Запалил фитилёк. Осмотрелся.

Ого! Да, повозиться стоило! Мешки и сундуки стояли лишь вдоль одной стены. Но зато их было достаточно. Тут всего-то и не унести за один раз!..

Конан быстро и бесшумно стал открывать крышки и развязывать горловины.

Нет, мешки отпадают – в них только медь. И для чего главе армии и полиции столько медных монет? Откуда они – понятно. Недаром же даже нищие, не говоря уже о проститутках и ворах, платят твёрдые налоги.

Но вот зачем эти медяки самому богатому человеку Хаурана? Запас на чёрный день? Или он ими расплачивается с личной гвардией? Вряд ли. Эти отборные кадровые воины стоят подороже. Может, тогда, доверенные слуги, банщики, повара? Э, неважно.

Вот оно и серебро. Целых три сундука. Да, Вазифбей регулярно и щедро платит жалование тем, кто преданно служит ему. Серебро ему необходимо.

Сундук с золотом. О, да тут какая-то записка. Похоже на прейскурант: имена и напротив – суммы... Ого! Дороговато! А, наверное, это сундук для спецагентов – шпионов, наёмных убийц, резидентов в других странах. Как интересно – встречаются и мужские и женские имена. Впрочем, наверняка это – лишь оперативные псевдонимы. Так что Конану от них никакого толку. Ну, зато вот он и приобщился к тайнам международной политики и пружинам власти... Но золото его тоже не слишком сейчас интересует.

Поэтому он лишь мельком заглянул в ещё три сундука. Так, золотые монеты разных стран. Чаши, кубки, подносы, другая посуда... Оружие – очень богато инкрустированные рукояти. Но он предпочитает что-то полегче и поуниверсальней – вот оно: кольца, серьги, подвески, кулоны. Они, конечно, сильно гремят при переноске, но... Ладно, посмотрим: может, позже стоит вернуться к ним.

В четвёртом сундуке оказалось золото в слитках и брусках – те ещё кирпичи!

Наконец в дальнем углу Конан нашёл то, что ему было нужно: вмурованный в специальное возвышение сундук, вернее, скорее, ларец, с драгоценными камнями.

Но чтобы добраться до его содержимого, варвару пришлось сломать миниатюрный замок, и обезвредить хитроумную пружину, удерживаемую крышкой, и готовую, словно коварная змея, распрямиться, и ударить незваного гостя отравленным острым жалом иглы. Вот уж, поистине, чревато его ремесло подвохами и всякими сложностями!..

Прикидывая вес и чистоту огненных рубинов, фиолетовых аметистов, зелёных изумрудов и густо-синих сапфиров, любясь опаловыми переливами крупного жемчуга и других камней, Конан, жалея, что драгоценностей всё же маловато, принялся не мешкая перегружать их в свою фирменную ёмкость.

Но на пятой горсти ему пришлось прерваться: его обострённый слух уловил шум и крики. А затем и лай своры собак!

Вот чёрт! Как он не додумался до такой простой вещи! Крышка ларца наверняка была под защитным заклинанием – точно таким же, как и дверь в сокровищницу!

Но если про дверь его предупредили, и он просто обошёл её, то уж о ларце никак не могли: в свою сокровищницу Вазифбей не впускал никого и никогда!

Хапнув на прощание горсть побольше, варвар, доверявший своим инстинктам больше, чем рассудку, или жадности, стремительно метнулся к пролому, через который вошёл. Плошка с фитильком осталась гореть внутри душной каморки.

Он едва успел выползти из дыры, как увидел другой свет – он стремительно приближался из дальнего конца низкого коридора. Сколько там было охранников, он не сосчитал, но факелов было пять, а собак – не меньше десяти.

Проверять верность подсчётов Конан не стал. Благо, лестница, по которой он спустился на этот подвальный этаж, была в другом конце коридора. Поэтому метнув под ноги шустрым и сердитым стражам склянку с особым порошком, тут же окутавшую весь коридор едким горчичным туманом, киммериец и поспешил к этому средству межэтажного сообщения. На самой винтовой лестнице и в коридорах трёх других уровней замка было ещё тихо.

Но на площадке последнего этажа, куда имелся доступ из верхней галереи, его уже поджидали. Целая почётная делегация встречающих. Правда, без цветов и оваций. Но, к счастью, и без собак – боеспособные собаки остались лишь в подвальных уровнях.

Четверо стражников в шлемах и кольчугах, конечно, были прекрасно обучены и вооружены. И считали, что имеют явное преимущество перед полуобнажённым – набедренная повязка и сапоги мягкой кожи, конечно, защитить от острой стали не могли! – одиноким и покрытым слоем чёрной копоти наглецом.

Однако Конану удалось быстро доказать им всю ошибочность их рассуждений.

Что их навыки, тренировки и доспехи значили против колоссальной практики варвара, кровью и отметинами на своей шкуре оплатившим свой боевой опыт!

Меньше чем через минуту невредимый киммериец засунул меч обратно в ножны, и выбрался через пролом в потолочном перекрытии и черепице, на крышу. Четвёрка же помятых, оглушённых и пораненных, хоть и живых, стражей, могла лишь провожать его разными напутственными словами и пожеланиями, в купе с дикими криками, причём делала это преимущественно лёжа.

На крыше Конану особо скучно тоже не было. Отряд лучников и арбалетчиков, разместившийся во внутреннем дворе и на открытых галереях, соединявших строения резиденции, как-то сразу заметил его. И провожал стрелами и криками до самой башни, по стене которой Конан ранее поднялся, а теперь спускался, по загодя предусмотрительно припасённой и закреплённой верёвке.

Шум и лай стояли просто оглушительные. Тут уж выбирать не приходилось, и Конан бросился прямо как был, в реку, мирно протекавшую под стенами загородной резиденции, не думая больше о сохранности маскировочной раскраски, и, глубоко нырнув, долго плыл, сдерживая дыхание. Даже из-под воды он видел свет факелов, и слышал шум.

Уже выбравшись на другой берег, гораздо ниже крепости по течению, он услышал, как чей-то могучий и властный голос велел всем заткнуться, и в наступившей странной тишине легко преодолел разделявшие их триста футов:

– Конан! Конан-киммериец, я знаю, что это ты! Не могу не признать, что я восхищён твоей наглостью и воровским искусством! Если вернёшься, расскажешь, как тебе удалось проникнуть в замок, и отдашь то, что успел украсть, я верну тебе пятую часть добычи! И отпущу с миром на все четыре стороны. Клянусь тебе в этом словом Вазифбея! – последовала крошечная пауза, словно кричавший, уже тихо, давал указания.

– Но если ты решишь, что для тебя выгодней другой вариант, то это же слово я даю в том, что больше недели ты не проживёшь! И умрёшь в моих пыточных подвалах, умолая – слышишь? – умолая! – побыстрей тебя прикончить! В моём распоряжении тысячи людей – ты не сможешь скрыться! Я всё сказал. Ход за тобой!

Конан раздражённо потёр ноющую дырку в ягодице от выдернутой стрелы. С предупреждением такого рода приходилось считаться. Вазифбей не из тех, кто швыряет обещания на ветер. И хотя Конана никому не запугать, было бы верхом глупости после всего случившегося оставаться ближе, чем в тысяче миль от границ Хауранского Эмирата. И когда-нибудь (ну, по крайней мере, в ближайшие сорок лет) снова заехать сюда.

Поэтому варвар бесшумной тенью побегал на север от реки и негостеприимного имения рассерженного всемогущего вельможи, и через пяток минут, преодолев пару миль, достиг маленькой рощицы, где несколько часов назад спрятал двух коней. Нужно ему походное имущество и продукты были навьючены надёжно на одного из них, в седло другого киммериец вскочил сам.

Хвала Крому, что он давно занимается этим делом, и всё предусмотрел!

Хотя в двадцать семь лет лучше бы и остепениться. «Вложить» деньги в недвижимость и товары. Завести уютный дом, с бассейном и садом. С десятком жён и наложниц, слугами, садовниками... А если одолеет тяга к приключениям – что ж, богатый купец может и сопровождать один из своих многочисленных караванов. А потом вернуться домой – а там его ждут жёны, дети, может, уже и внуки... Ну как?

Ох, кого он хочет обмануть?

Никогда не променяет он весёлую, яркую, и зачастую смертельно опасную жизнь авантюриста-искателя приключений на пресно-скучное и однообразное существование купчишки или придворного шаркуна. Хотя возможностей было, и, наверняка, будет, предостаточно. Нет уж, если кем-то и становится в будущем, то только... королём! И королём только своего, собственного, королевства!

Посмеиваясь, он пустил коней в галоп. О, Бэл! Ягодица-то – побаливает! Ничего, позже он смажет её целебным бальзамом. А пока – потерпит.

Ну, прощай, суетливо-шумный Бартанг! Твои проститутки могли бы быть помилее, а вино – покрепче! Хотя в целом ему и здесь было неплохо. За час, оставшийся до рассвета, он уж как-нибудь сумеет запутать следы от собак и охотников, и раствориться в том же направлении, что и его предусмотрительный однорукий информатор.

Пришло время попрощаться с этой страной, и поискать себе новую арену для приключений!

Страшилище не стало ждать, пока люди опомнятся: оно напало первым.

Повернув голову на мощной и длинной шее влево, оно неуловимым движением огромных челюстей перекусило одного из стражей ровно напополам! Другого, неуклюже пытавшегося закрыться секирой, оно ударило рогом, торчащим над ноздрями, в центр груди.

Сила удара оказалась такова, что полфута бело-розового бивня вышло сквозь кольчугу на спине. Небрежно кивнув уродливой головой, монстр сбросил труп, да так, что тот, пролетев футов двадцать, ударился о стену пещеры футах в десяти от пола, и бесформенной кучей рухнул оттуда вниз. Чудище хищно повело глазами по остальным.

Тут уж удержать оставшихся в живых храбрых сардаров от побега не смог бы не то что застывший пока в шоке унбаши, но и сам султан Боташ! Но монстр явно не собирался дать людям просто так уйти от него!

В два могучих прыжка массивная и неуклюжая на первый взгляд туша догнала пятёрку беглецов, и Хаттафа чуть не стошнило: двоих тумбообразные ноги просто растоптали, превра-

тив в отвратительно шевелящееся кровавое месиво на каменном полу. Ещё двое были перекушены напополам – так же, как и первая жертва.

Последний воин, уже почти достигший спасительного узкого отверстия туннеля, был пойман длинным змееподобным языком, и затянут прямо в пасть, которая стала мерно чавкать, заглушая дикие крики живой ещё жертвы.

И здесь Хаттаф был поражён поведением своего такого трусливого и никчёмного, как он считал до этого, начальника.

Оказавшись за спиной кинувшегося к туннелю монстра, унбаши вовсе не пытался спрятаться в каком-нибудь укрытии, как сам Хаттаф. Напротив, прокравшись прямо под брюхом многотонной туши, Резван с отчаянным криком всадил свой клинок в складки у основания шеи удивлённого страшилища.

Вернее, он попытался всадить клинок в горло твари. Бронированная шкура не поддавалась, а вот сталь ятагана от удара разлетелась на куски – ничего не скажешь, рука десятника ещё хранила былую силу и ловкость.

Медленно, и, как показалось Хаттафу, даже как-то с издёвкой, монстр опустил голову, грациозно изогнув длинную шею, и взглянул прямо в глаза человеку, осмелившемуся бросить ему вызов. Рот его открылся, и месиво, бывшее недавно одним из Резвановских подчинённых, упало прямо к его ногам.

Но унбаши снова не дрогнул. Он выхватил кинжал, и попытался выбить глаз чёртовой твари, вблизи наверняка выглядевшей ещё страшней... Только тогда широкая пасть снова открылась, и могучие челюсти стремительным неумовимым движением отхватили непокорную голову. Хаттафу пришлось моргнуть – липкий холодный пот залил ему глаза. О том, что всё остальное тело сковала судорога ужаса, можно не упоминать.

С полминуты тело его бывшего начальника ещё стояло, сжимая в руке бесполезную против брони зубочистку. Затем кровь, пульсирующим фонтаном извергавшаяся из шеи, залила всё тело, и бывший насмешник и обжора рухнул плашмя под ноги монстра, продолжавшего невозмутимо смотреть на это. Где-то на краю сознания находившегося в полубморочном состоянии Хаттафа мелькнула мысль, что место десятника теперь свободно. Но вряд ли теперь ему удастся его занять.

Тварь кровожадна. Вряд ли он и сам останется жив...

Словно подтверждая его мысли, чудище проводило падение тела движением огромных, как у лягушки, навывкате, глаз, затем слотнуло, и потянулось к ноге Резвана.

Вновь заработали жернова челюстей. Звук воистину ужасен. А вид – ещё хуже...

Борясь с неудержимыми приступами рвоты, потя, и не смея пошевелиться, чтоб не быть обнаруженным в спасительной тени, Хаттаф смотрел, как поедают его бывшего начальника, а затем и остальных убитых или ещё шевелящихся, коллег.

Чудище проявило редкую избирательность: у одного съело только туловище, брезгливо выплюнув панцирь и шлем с головой, у другого – одну ногу, у третьего – руки и ноги. Минуты через три монстр отодвинул и сорванные двери, и отведал полузадавленных, но ещё живых несчастных, лежащих на спине под ней. От их криков, казалось, рухнут вековые своды...

Вскоре по всей пещере громоздились полусъеденные тела, блстели лужи крови, и висел душливый запах страха и смерти.

Ноги Хаттафа стали словно ватными, голова кружилась, и он сдерживался из последних сил, чтоб не застонать от животного ужаса, или не грохнуться в обморок. Лишь слабая надежда, что монстр не заметит его в тёмной нише, и не сможет унюхать в столь сильном зловонии, заставляя его всё плотнее вжиматься в шершавый равнодушный камень, никак не желавший раздвинуться и пропустить его ещё глубже и дальше от...

Эта надежда не оправдалась.

Огромное тело повернулось, и не торопясь подошло прямо к нему. Бочкообразная голова легко опустилась из-под сводов пещеры к нише, и равнодушные красные глаза с полминуты буравили молчавшего, неподвижного и потевшего пуще прежнего Хаттафа. Стояла такая тишина, что упавшая игла – эхо разнеслось бы по всей пещере.

Затем огромная пасть рыгнула, обдав человека тёплым зловонием, и длинный жёлто-розовый язык, медленно приблизившись, погладил Хаттафа по щеке.

Конвульсивно голова молодого мужчины отдёрнулась, глаза раскрылись ещё шире. Монстр, казалось, остался доволен такой реакцией. В его глазах, Хаттаф ясно это увидел, появилась насмешливая издёвка:

– Боишься? – Хаттаф услышал низкий рокошущее-свистящий шёпот: голос монстра. Челюсти, только что легко перемалывавшие кости и кольчуги, теперь еле-еле шевелились.

– Б-боюсь! – нашёл в себе силы отозваться Хаттаф, понимая, что молчанием ничего не добьётся. Голос его дрожал и прерывался, но на ногах он теперь стоял уверенней: если монстр, до этого молча делавший то, что хотел, *сам* заговорил с ним, то может быть, ему что-то нужно от него, Хаттафа. А если это так – есть шанс выжить!

– Это правильно. – неторопливо, с расстановкой произнесло чудовище, – Страх – залог послушания. А мне нужны только послушные слуги!

Очень широко расставленные глаза хищно буравили Хаттафа, и вонзались глубоко в его мозг почище зубов трёхдюймовой длины, с которых ещё капала кровь.

Опять последовала долгая пауза. Хаттаф молчал. Знал, что главное слово тут – не за ним...

– Молодец. – просто и удовлетворённо констатировала адская тварь, вновь открывая жуткую пасть, – Ты умён и хитёр. И ты почуял меня. – Глаза, казалось, всё увеличивались, взгляд и шёпот проникали, казалось, в самые отдалённые закоулки его сознания, – И ты ещё жив – именно потому, что мне как раз такой как ты и нужен.

О-о!.. Хаттаф, осознав, что он может пригодиться монстру, и, значит, сможет стать кем-то уж точно, получше десятника, ощутил прилив сил и... оптимизма!

– Теперь слушай внимательно и крепко запоминай. Я вижу. Вижу, и знаю всё, что происходит там, наверху. – голова чуть заметно кивнула вверх, – Я чувствую мысли. Даже сейчас я легко читаю всё, что происходит в твоей хитрой и практичной головке...

Не надо пытаться идти против меня. Не надо пытаться сбежать. Я могу появиться в любом месте этого мира... И я могу превратить жизнь любого человека в кошмар. Обычный человек для меня – не более, чем пища. Но если кто-то полезен мне – он будет жить. И жить неплохо. Я – позабочусь. Однако – помни! Тех, кто предаст меня, или станет бесполезен мне, я просто... съем! От меня невозможно убежать или спрятаться. – чудовище приостановилось, сверкнув глазами – ох, и ужасен их блеск! – и чуть склонило голову набок: словно прислушиваясь и правда – к его мыслям!

А мысли в мозгу Хаттафа проносились, словно селевые потоки от весенних дождей по склонам родных гор, с бешеной скоростью! Разные.

– Да, я вижу у тебя в мозгу – ты понял. И поверил. Помни же об этом всегда!

Тёплый и липкий язык ещё раз прошёлся по щекам Хаттафа, но на этот раз тот выдержал страшную ласку, и не отдёрнулся. Да и в горящие неугосимым огнём немигающие глаза он теперь смотрел спокойней. Он уже понял, в чём дело, и был готов к новой роли. Сразу он оценил все преимущества должности Пророка при новом Боге Турфана.

О, это – власть!

Власть над людишками. И она – не чета власти какого-нибудь сотника, или даже военного министра! И пусть перед своим повелителем он будет лишь жалким червём, рабом и безропотным исполнителем воли чудовища! Зато там, наверху, он будет выразителем его воли и

желаний! Всесильным Хаттафом, через которого Бог повелевает своими подданными! А сила нового Бога, похоже, безмерна!

Поскольку безмерны его жестокость и презрение к людям!

Гипнотический завораживающий взор монстра, пристально изучавший его реакцию, полыхнул огненными языками удовлетворения и некоей насмешки:

– Я вижу, ты понятлив. И тоже любишь власть. Не разочаруй же меня!

Теперь слушай и запоминай. Завтра, после того, как ты расскажешь, что здесь произошло своему сотнику, а затем и его начальнику, тебя вызовет сам султан.

Расскажи подробно обо всём и ему. Затем попроси его оставить вас вдвоём. Он не откажет. И только когда вы будете наедине, скажи ему то, что я тебе сейчас говорю: что если он не хочет принять страшную и мучительную смерть, он должен сделать так...

Путешествие началось неплохо, хоть и довольно утомительно – для коней. Два дня Конан старательно запутывал следы. Он то скакал по руслам ручьёв и мелких рек, чтобы сбить со следа собак, то пробирался по каменистым оврагам и лощинам предгорий, чтобы обмануть опытных следопытов, какими несомненно обладал могущественный хозяин потрёпанной казны. Уж ищеек-то у начальника армии и полиции хватать должно...

Варвар знал, что как можно дольше должен избегать людных мест и обычных дорог. Такого колоритного и крупного путника как он, очень тяжело не заметить, и ещё трудней – не запомнить.

Поэтому он отдыхал днём, а по ночам ехал и ехал, слезая с коня в особо трудных местах, и ведя маленький караван под узцы. Пересаживался он с одного коня на другого тоже часто. Есть он успевал прямо в седле, и умудрялся даже вздремнуть одним глазом на простых участках, не переставая удаляться от границ Хаурана. Направление он выбрал заранее, и хотел после гор Хорайи окончательно сбить возможных преследователей в пустынях восточного Шема. Но окончательно затеряться он хотел в больших городах достаточно цивилизованного Аргоса. Тем более, что давно там не был.

На третьи сутки он всё же был вынужден остановиться надолго.

Нет, его могучий организм по-прежнему был бодр и свеж, а вот оба выносливых коня просто падали от усталости.

Теперь Конан был совершенно уверен, что оторвался от погони. А поскольку он не встретил за эти три дня никого, то некому и навести гончих псов Вазифбея на его след.

Вот что значит хорошо подготовленная операция и продуманный план – а другой, менее опытный и более ленивый вор мог бы пренебречь доскональной разведкой местности и подготовкой путей бегства. Нет, сам-то киммериец уже слишком хорошо научен жизнью, чтобы жалеть силы и время – на разведку и подготовку, и деньги – за информацию! Результаты – налицо. Вернее – в суме!

На то, чтобы разбить немудрёный лагерь, и поесть, ушло не более получаса. Оба верных коня, даже почти не пощипав сочной травы, нежным ковром устилавшей дно небольшой лощины, где варвар расположился, отключились и мирно спали. Напоить их Конан позаботился час назад, когда они поднимались сюда по дну мелкого ручейка, питаемого предгорными ключами. Впрочем, особо голодны эти трудяги быть не должны: запасов овса должно хватить ещё дней на пять.

Внимательный осмотр показал Конану, что раньше здесь проходила-таки тропа, но теперь по каким-то причинам ей мало кто пользуется. Разве только пастухи и охотники. За всё время поездки по лощине взгляд варвара лишь однажды встретил сравнительно свежий

– прошлогодний – след пребывания здесь человека. И то весенние ливни почти уничтожили старое кострище. Впрочем, грех жаловаться: он сам хотел проехать через места побезлюднее...

Быстро стемнело. Разводить костёр Конан не стал. Свежей пищи у него всё равно не было, а сушёные фрукты и мясо можно есть и не подогревая. Хищников он не боялся – кони разбудят его в случае опасности. Да и сам он кое на что годится. Проснётся, если что-то почувствует. Завернувшись в одеяло, и положив оружие поближе, Конан лёг на спину и уставился в звёздное, в горах по-особенному ясное и близкое, небо.

Да, удачно получилось в этот раз. Жаль, конечно, что не удалось забрать всё. Но и того, что он успел загрузить, вполне достаточно. Но, конечно, так тщательно планировать и долго готовиться всё же не совсем в его духе...

Скучно.

Он больше привык действовать экспромтом, так сказать, по наитию. Хотя, если он со временем действительно собирается достичь чего-то большего, чем слава вора международного класса и буйного гуляки, грозы притонов и кабаков, ему всё равно придётся думать – хорошо, и планировать – тщательно.

Но это всё – позже. А сейчас будет неплохо насладиться плодами почти двухмесячных усилий и трудов. И поедет-ка он не в Аргос, а в Турфан.

Крошечный султанат далёк от перепитий большой политики и, скорее, напоминает большую деревню. Вряд ли кто, зная привычки Конана к столичной весёлой жизни, будет его там искать! А про Ферхем, столицу султаната, он слышал, что хотя городок и небольшой, но нравы там – свободные, вино из горных виноградников – крепкое, а женщины – прекрасны и доступны (разумеется, за соответствующую цену!).

Плывать, что ехать придётся почти месяц. Дорога через горы трудна, зато позволит окончательно замести следы. От Хаурана его будет отделять Офир, Коф и Шем. Кроме того, о нём самом, его старых, а тем более, новых «подвигах» там почти наверняка не знают. А уж он сам постарается попридержать язык за зубами. Потому что – мало ли!..

Вдруг найдётся что-либо интересное и в Ферхеме?

С приятными мечтами о благах цивилизации, к которым можно приобщиться с помощью денег, он и уснул.

Пробуждение оказалось отнюдь не таким приятным.

Острое чувство надвигающейся опасности пронзило всё его тело. Тем не менее, он сдержал первый порыв, и не вскочил, и не бросился с мечом на неизвестного, пока невидимого врага. Оставаясь неподвижным, он чутко прислушивался, стараясь точно определить источник опасности, а слабый свет звёзд – красавица луна ещё не вышла из-за громады Усой-Дарийского хребта – давал достаточно света для его необычайного зрения. Пока враги, вроде далеко – свободно можно в случае чего успеть выхватить меч...

Так, всего противников трое. Причём только двое из них люди. Вон они, шагах в двадцати за гребнем холма. Очень тихо шепчутся. Жестикулируют. А вот этот, в тридцати футах, похож на большую собаку. Наверное, одрессированную перегрызать спящему врагу горло с одного движения страшных челюстей!

Вот повезло-то. Вор наткнулся на грабителей.

Насмешка судьбы? Да, пожалуй.

Конан приготовился, и ещё раз внимательно осмотрелся и вслушался.

Нет, кроме его же лошадей, ушедших вниз по лошине, наверное, за водой, других участников налёта не имелось. Что ж. Не повезло им, беднягам.

Тёмный, ничем не пахнувший зверь продолжал ползти к нему. Когда до Конана оставалось не больше десяти футов, из-за холма прозвучала тихая отрывистая команда.

Огромный пёс взвился в воздух и одним прыжком достиг Конана. Однако страшно блеснувшие клыки не сомкнулись, как обычно, на горле беспомощной спящей жертвы! И прыжок

страшному зверю завершить не удалось: ещё в полёте его грудь встретила острый железный зуб, и всей своей массой хищник ударил в него, оказавшись нанизан, словно какой-нибудь фазан, на вертел!

Хриплый рёв огласил ночь, тело зверя конвульсивно забило ногами.

Киммериец не стал терять время на освобождение меча. Вместо этого он отбросил дёргающееся в агонии тело подальше, сам же схватил верный крепкий туранский лук, и кинулся зигзагами вверх по склону.

Предосторожность оказалась не лишней. Одна стрела выбила искры у него из-под ног, попав в камень, другая обдала ветром щёку, пока шли три секунды, за которые он достиг гребня холма.

Две тени уже бежали в разные стороны. Успешную отбежать подальше Конан сразил стрелой, другую, замешкавшуюся, – выхваченным из-за голенища кинжалом. Тот, что был убит стрелой, даже не вскрикнул, рухнув лицом вниз на каменно-травянистый склон. Тяжёлый арбалет громыхнул о камни. Стрела вошла убитому прямо в сердце.

Другой, с кинжалом в печени, ещё стонал, и пытался отползти подальше.

Присев, чтобы не выделяться на фоне ночного неба, Конан с минуту выжидал, окончательно убедившись в отсутствии других соучастников. Нет, этих шакалов было только трое – вернее, двое: не к чему оскорблять пса. Ведь он лишь выполнял приказы хозяев.

Вот, значит, почему по этой тропе перестали ездить...

Подойдя к стонущее-ползущему, варвар понял, что тот уже не опасен. Прикидываться в такой ситуации невозможно. Широкий кровавый след и наполненные болью и страхом глаза выдавали полную беспомощность бывшего охотника на людей. Человек замер, вжавшись спиной в валун побольше, когда Конан с другим кинжалом в руке приблизился шага на три. Никакого оружия в тонких руках не было.

– Что, приятно быть дичью?! – прорычал взбешённый ещё киммериец, буравя глазами беспомощного теперь врага. Правда, в его распоряжении были только глаза бандита – всё остальное лицо скрывала чёрная тканевая повязка. Чёрной же была и вся остальная одежда грабителя, а руки и часть лица оказались вымазаны сажей: так делал и сам варвар.

Глаза на его выпад никак не отреагировали, из чего Конан сделал вывод, что его не понимают. Ругнувшись, он повторил вопрос на туранском, а затем и на шемитском. Ага, его поняли – глаза прищурились. Но отвечать ночной гость явно не собирался.

Тогда, засунув свой кинжал на место, Конан подошёл поближе, и, опустившись на колени, принялся разматывать что-то вроде шарфа, закрывавшего лицо раненного. Небрежно он отбросил в сторону маленький кинжальчик, которым тот попытался ткнуть в него. Он даже не выругался ещё раз.

Густые тёмные волосы рассыпались по плечам незнакомки, и Конан понял, что перед ним, как ни странно, женщина. Вот теперь он выругался. Но уже про себя.

Молча он с минуту изучал лицо явно восточного типа, и ломал голову, как и почему женщина могла выбрать такую профессию.

– Пить... – еле слышно выдохнула наконец, раненная. Как ни странно, она была довольно миловидна, но с квадратным волевым подбородком, и высоким лбом. На вид ей можно было дать лет сорок, или чуть больше.

Хотя варвар знал, что рана в правом боку смертельна, и с пробитой насквозь печенью его жертва не протянет больше десяти минут, он буркнул:

– Сейчас. – и отправился за флягой.

Больше двух глотков женщина всё равно отпить не смогла – её жажда была вызвана не столько потерей крови, сколько тем, что повреждена печень. Захлёбываясь и задыхаясь, она откинулась вновь на камень: струйки воды стекли по лицу и шее на одежду.

Глядя на грабительницу, Конан, хоть и испытывал определённые сожаления, отнюдь не раскаивался в содеянном. Уж раз эта несчастная взялась за ремесло бандита, то и получила по заслугам. Он знал страны, где за подобные преступления её смерть была бы куда дольше и мучительней, не говоря уже о сотнях издевающихся, тычущих пальцами, и гогочущих зрителей. Сам он нападение на спящего, да тем более, с помощью собаки, считал верхом подлости и низости, достойных только трусов и мерзавцев.

Поэтому, повернув к себе бессильно опустившуюся голову со слипшимися уже от смертельного пота и воды, волосами, и закрывшимися глазами, он довольно бесцеремонно потряс её и спросил:

– Кто ты? Как звать тебя?

Ему пришлось повторить встряску и вопрос. Губы разлепились:

– Я... Ха... физа. – еле слышный стон-шёпот.

– Сколько вас было? Кто ещё с вами?

– Только... двое... И Серая... – теперь приоткрылись и глаза. Тусклые.

Ага, значит, собака – сука. Надо же. Две женщины в одной банде. Или – три?!.. В любом случае – явно перебор. А впрочем...

– Ну и сколько человек вы прикончили? – по-правде говоря, он не ожидал правдивого ответа на свой вопрос, тот вырвался чисто машинально, так как ему всё же было интересно, на что была способна эта странная банда. Да и просто молчать, ожидая неизбежной смерти незнакомки, глядя, как по каплям уходит жизнь из тёмных миндалевидных глаз, было неприятно.

– Сем...надцать. – тем не менее расслышал он. Видать, Хафиза тоже не сомневалась в своей смерти, и не видела смысла запираться.

– А этот... там – кто?

– Брат... мой... брат... Рувэм.

Понятно, семейный дуэт. Ну правильно. Чтобы, значит, деньги и тайну ни с кем не делить. Да и кому в этиот продажный век можно доверять, как не кровному родственнику?

– И кто у вас за главного?

– Я... я!

Густая чёрная кровь хлынула у неё изо рта, и остекленевшие глаза остановились, наконец, в одной точке. Тело обмякло, и сползло с камня, так как Конан отпустил его.

Вздохнув, Конан всё же прикрыл эти потускневшие очи. Затем вынул и обтёр своё оружие и отправился рыть могилу в месте, где земли было побольше, чем камней.

К рассвету яма была готова, и брат с сестрой мирно легли рядом. Семнадцать человек оказались отомщены. Зброшенная горная тропа снова станет безопасной.

Засыпав землёй и завалив обломками скал тела, Конан вернулся в лагерь. Оба коня были стреножены, поэтому особенно далеко не разбрелись. Пока Конан грузил своё немудрёное имущество им на спины, они всхрапывали и опасливо косились на мёртвого, но всё равно страшного тёмно-серого хищника, лежащего на боку.

Это оказалась вовсе не собака. Это была огромная скальная рысь. Но – с обрезанными, как у боевых собак, ушами и хвостом, и в ошейнике с дюймовыми стальными шипами. Конечно, она была страшным противником. Вот именно. Была.

Взобравшись в седло, Конан окинул последним взглядом ничем не примечательную лошину, где незнакомые шемиты попытались ограбить более удачливого и ловкого вора. Он сплюнул и криво усмехнулся.

На его планы ночное событие никак не повлияло. И жалел он только об одном: теперь снова придётся замечать следы. Ну и ладно, так даже интересней. Вперёд, старые клячи! К новым приключениям!

Злые, полузаплывшие жиром хитрые глазки сверлили Хаттафа так, словно султан хотел прожечь в нём дырку. Хаттаф относился к этому внешне абсолютно бесстрастно – день назад он испытал на себе другой взгляд, пострашней. Тем не менее, он жив. И он чувствовал свою силу – злобное чудище сдержало слово. И он теперь – выразитель его воли и приближённый слуга. Причём, судя по поведению султана, его полномочия подтверждены со всей возможной категоричностью. О яме со змеями и толстом колу речь больше не идёт.

– Значит, пятьдесят? – со злой иронией процедил Боташ.

– Пятьдесят, мой повелитель. – почтительно склонившись, отозвался Хаттаф. Правда, почтение присутствовало лишь в голосе и позе, глаза же бывшего простого стражника отражали отнюдь не лестное мнение о своём, теперь чисто формальном, суверене, – Меньше никак нельзя. Миссия, которую они будут выполнять, крайне... деликатна! И, разумеется, ваше величество понимает, что меньше всего нам нужны нелепые слухи и паника среди простого люда Турфана. Поэтому мне и нужны лучшие из лучших. И для каждого случая и дела – разные.

Султан всё это прекрасно понимал. И жить он хотел ничуть не меньше, а, скорее – даже больше любого, самого ничтожнейшего, своего подданного. Поэтому он и позволил... пока... этому наглецу, этому плебею-высочке, делать всё так, как тот планировал.

И даже дал ему новую должность, сразу возвысившую простого смерда до уровня родовой знати – советника по особым поручениям. Вот теперь ещё и разрешил создать свою особую гвардию-полицию, для выполнения этих самых «особых поручений».

Конечно, это беспрецедентный случай для его неторопливой, привыкшей к обильной смазке в виде наличности, бюрократической машины. Однако препятствовать действиям бывшего сардара, особенно сейчас, абсолютно не представлялось возможным.

– Хорошо. Вот фармон. – султан, не вставая с подушек трона, протянул руку со свёрнутой в трубку бумагой, на которой болталось с полдюжины верёвочек с кругляками восковых печатей всех цветов, – Он подписан, вступил в действие... э-э... только что, и даёт тебе все необходимые полномочия. Я не ограничиваю тебя в выборе людей для... работы. Забирай. И действуй! – тон был предельно ровный и деловой, явно рассчитанный на тех, кто сейчас, сдерживая возмущённое роптание, кусая губы, и не веря своим ушам, слушал и наблюдал за этой сценой из-за многочисленных отверстий в стенах тронного зала и величественных драпировок. Да, теперь уж не оставалось никаких сомнений – этот... высочка... назначен абсолютно законно!

Почтительно согнувшись, Хаттаф приблизился, и опустившись на колени, как того требовал церимониал, поцеловал пол у подножия трона, после чего, не без благоговения и трепета взял обеими руками заветный указ, и прикоснулся центром свитка ко лбу и губам. Затем, прижимая фармон к груди, он изобразил ещё один церемониальный поклон. Глаза его сияли от плохо скрываемого торжества. Душа пела.

– Не будет ли теперь великий султан столь милостив, чтобы разрешить удалиться своему ничтожнейшему и преданнейшему слуге? – лстыиво-учтивые слова словно сами собой слетали с уст Хаттафа, как если бы за плечами были долгие годы коварных интриги обращения в высших сферах власти, и хорошие учителя.

Впрочем, разве всё это время он не мечтал об этом, не вслушивался внимательно в сплетни, не ловил жадно обрывки разговоров вельмож, гордо шествующих мимо простого сардара, и, втайне, не тренировался в великосветском слэнге, пусть хотя бы про себя?

– Да. Ты свободен. – небрежно-раздражённым жестом Боташ отпустил его, откинувшись на обитую бархатом спинку трона, полупритененного роскошным балдахином и тончайшими вендийскими занавесями с золотым шитьём ручной работы.

Почтительно склонив верхнюю часть туловища, Хаттаф уже гораздо уверенней, чем день назад, упятился до входных дверей, и только выйдя наружу, позволил себе глубоко вздохнуть, и утереть пот со лба.

Да, плебейское происхождение и привычки, похоже, ещё долго будут мешать ему чувствовать себя раскованно и уверенно в обществе султана и его заносчивых и расфуфыренных придворных и подчинённых – приближённых к кормушке прихвостней.

Но – ничего. Он наверстает. Налёт небрежности и величия со временем появится и в его жестах и словах! И одежды он наденет лучшие! Но это – позже.

Торжествовать и вырядаться пока рано. Он действительно должен здорово поработать.

Ведь если он не выполнит своей *главной* задачи – монстр найдёт себе другого, более расторопного и исполнительного слугу, а его... Об этом не хотелось даже думать – так сводило судорогой все внутренности... Ну, хорошо, отвлечёмся от грядущих – возможных! – кар и почестей, и примемся за дело.

Сделать надо не просто многое – а очень многое. А в его распоряжении – только месяц. Да и то – только лунный. За это время нужно создать рабочий механизм – инструмент для реализации его воли. Аппарат. Штат работников нового министерства. Его личной вотчины – министерства особых поручений.

Для этого нужно отобрать подходящих для каждой работы людей. Проинструктировать и обучить их. Разместить – причём где-то поблизости от дворца. В самом городе тоже нужен надёжный дом. И, наверное, не один. Значит, нужно срочно подобрать и выкупить подходящие здания. Куда затем понадобится штат прислуги, поваров, воинов – значит, нужно и снаряжение, одежда, посуда, мебель, продукты, и прочее и прочее...

Но главное – нужны толковые и послушные неболтливые люди для основной работы.

Люди, которые не задавали бы ненужных вопросов и точно исполняли бы любую порученную... ну да, лучше всего называть ЭТО всё же работой. В качестве шпионов и осведомителей – это он уже продумал – пока можно отобрать и использовать и штатных ищек полицмейстера султана. Выбрать посмышленей, помоложе. Полицмейстер, конечно, будет против. Ничего, отдаст, куда денется.

А вот непосредственных исполнителей для *главной* работы придётся всё же найти и обучить самому. Крепких, молчаливых, и преданных тому, кто хорошо платит и позволяет пользоваться такими привилегиями, о которых другие сардары даже и мечтать...

В идеале, конечно, после каждого выполненного задания хорошо бы уничтожать непосредственных исполнителей – чтобы уж точно не проболтались... О том, что пришлось сделать!

Нет, пожалуй, пока это – непозволительная роскошь. Верные и неболтливые люди должны быть почти свои. А найти их в этом городе... Хм...

Ничего. Он знает, где найти таких, как нужно *ему*... В своё время он организует всё капитальней, сейчас же нужно просто успеть к...

Быстрым шагом он двинулся прочь по коридору.

Дела, конечно, делами, но вначале он должен немного поработать и над собой!

Вымыться, побриться, сменить одежду. Советник по особым поручениям не должен выглядеть и пахнуть, как простой босьяк. Он должен показать всем этим родовитым недоумкам, этим бездельникам-лизоблюдам, что и он не лыком шит. И вот тот ключ, который позволит ему достичь реальной власти: он бегло просмотрел фармон.

Спасибо отцу – позаботился выучить сына чтению и письму, да ещё на двух языках. Ну, всё, вроде, в порядке: указ написан как положено. Он – на коне. Деньги! Вот сейчас главное! Значит, в первую очередь – к казначею! Про средства так и указано – по требованию!..

Так. Прикинем – сколько же потребовать. На первое время, наверное, тысячи две...

Сейчас он поменяет имидж, ещё раз всё хорошо продумает, сытно поест. Эх, честно говоря, не помешало бы и отдохнуть немного, прийти в себя после страшных суток, проведён-

ных в зиндане, когда каждый шорох и звон оружия вызывал невольную дрожь: а ну как это – за ним! И сейчас посадят-таки на кол!..

Но вспоминать об этом – некогда! Как и радоваться тому, что остался жив.

Нужно заняться основной работой.

Когда за его новым советником плавно закрылись тяжёлые двери, султан Боташ смог, наконец, позволить душившему его гневу хоть как-то вырваться наружу.

Со злобным рыком он вскочил, затопал ногами, и, ругаясь самыми гнусными словами, которых постыдился бы самый грязный попрошайка-нищий, или старая шлюха, посрывал со своего трона все роскошные занавеси.

Затем досталось и редчайшим западным гобеленам, украшавшим стены тронного зала, и роскошным коврам ручной выделки, в которых почти по щиколотку утопали коротенькие ноги – эти предметы интерьера султан порубил ятаганом, хранившимся за спинкой трона.

Разбив об обнажившиеся стены вдребезги штук пять драгоценных кхатайских ваз, и чуть не поскользнувшись на осколках, Боташ, наконец, выдохся, и стал приходить в себя. Розово-жёлтый туман больше не застилал глаза.

Мучила только одышка – годы уже не те...

Нет, всё, вроде, не так уж плохо.

Ведь формально ему всё же оставили власть...

Проклятье! Проклятье!

Он ещё попинал ногами содранный со стены гобелен. Утёр пот со лба. Вот именно: власть ему оставили – формально. А на самом деле – он не заблуждался на этот счёт! – у Турфана теперь новый правитель: проклятый уродливый монстр!

А он, наследный потомок восьми поколений Боташей – жалкая марионетка! Да что там – вшивый червяк, вынужденный считаться с желаниями и приказами этого гнусного тупого смерда, который ещё вчера разгребал вилами навоз в провинциальной дыре, а сегодня – смотрите! Слуга и оракул проклятой твари! Чёрт! Проклятье!!! Д...мо собачье!!!

Устало отдуваясь, султан сел обратно на трон, подперев подбородок рукой, и устремив невидящий взор в голую теперь стену напротив.

Нет, если всё же хорошо подумать, не всё так плохо.

Например, неплохо, что для самой гнусной и грязной работы чудище выбрало этого... как его... Хаттафа. С его беспринципностью и карьеристическими амбициями он и вправду способен выполнить – Бр-р-р! – все требования монстра. Султана передёрнуло, противные мурашки вновь пробежали по спине. Ну и вкусы у этого чудовища!..

Далее, неплохо, что жить и вершить свои чёрные дела тварь предпочитает всё же в подземельи, и показываться на люди, и афишировать себя, вроде, не собирается...

Ну и главное: она всё же пока оставила Боташа на посту султана.

Так он сможет хотя бы сохранить лицо. И все свои привилегии... Да, он – султан! Он сможет всё случившееся и творящееся сейчас в подземельи, замять! И никому он не обязан отчитываться за свои действия!..

Захотел иметь советника по особым поручениям – и назначил! И деньги, и комнаты рядом со своими покоями – захотел – и выделил! Болтливому сотнику захотел бросить в зиндан – и бросил... А на мнение везира, казначея, главнокомандующего войска и гарнизона, и ещё семи-восьми «мудрейших» министров – ему просто наплевать!

Вот именно: наплевать! Он – султан, и не обязан отчитываться за свои действия и капризы!

Боташа снова передёрнуло. И как это его ещё угораздило не казнить злосчастного Хаттафа в тот же день! А, ну да. Он же хотел предварительно попытать его, и послушать *правду* о пьяном дебоше и разгроме в сокровищнице, а не бред свихнувшегося от страха, или гашиша идиота, возомнившего себя новым пророком!.. Или...

Его удержало не это?.. Что-то было... Какой-то внутренний голос... Вот чёрт! Чёрт! Чёрт!!!

Или – он просто не успел?.. Да, вначале он обедал, потом – ну, это священное! – послеобеденный сон. Затем он ужинал, смотрел на новых танцовщиц, купленных в Немедии, потом... Потом он лёг спать. Спать.

О, Ишшаззах! Кто же знал.

Долго же будет вспоминать он это страшное пробуждение!

Эти красные глаза с сумасшедшей звериной злобой! Это ужасное тело, этот смрад плотоядного дыхания! Но хуже всего – слова! Слова, что так легко срывались со страшного языка, расплавленным свинцом въедаясь прямо в мозг: так, что каждой клеточкой чувствовалось – всё это монстр сделает!!!

Это его жуткое, омерзительное обещание!..

Нет, человек не должен ТАК умирать!

Хотя, конечно, сам Боташ, бывало, и сажал особо злостных преступников и на кол, и варил в кипящем масле, и пытал... По-разному. Но такое...

Такое даже и вообразить себе невозможно!

Ничего не скажешь – монстру здорово удалось его запугать и унижить! И мета его – выжженный на груди таинственный символ – до сих пор воспалён и страшно болит. Ох. Надо бы ещё помазать его оливковым маслом. Оно хорошо помогает от ожогов. И ведь не покажешь и лекарю!..

И ещё ему надо... Что надо? От *такого* гостя никакая стража не защитит. Не поможет. Хорошо хоть, ночью он был один – никто не знает о его позоре, о его новом Хозяине! Надо молчать и самому.

Надо подчиняться, и ждать – ждать, сможет ли этот чёртов смерд... Надо.

Ладно, чего уж теперь сделаешь. С бессмертной и неуязвимой бронированной тварью не повоюешь – хоть армию выставь! Надо терпеть. И ждать. И ещё раз приказать своим – ни в коем случае не вредить и не мешать этому... Да, Хаттафу.

И надо приказать заделать опять эти чёртовы дыры... Надо... Надо обедать.

Конан расслабленно откинулся на подушки. Довольный вздох слетел с его губ.

Отлично, он готов поклясться печенью Мардука, отлично!

Да, в искусстве любви Каринэ явно знает толк! А может, она так старается потому, что не совсем равнодушна к могучему киммерийцу? Впрочем, зачем лукавить – скорее, это он к ней неравнодушен.

Ведь недаром же за этот месяц с небольшим, перепробовав почти всех проституток Ферхема, он неизменно возвращается сюда, в «Медного быка». И, если вдруг случается, что Каринэ занята, какие-то противные кошки скребут у него на сердце. С чего бы это? Ведь никаких таких особых, выдающихся женских прелестей у неё, вроде, и нет?..

А может, так происходит оттого, что она единственная, с кем ему не скучно болтать? Уже после того, как чисто физическая сторона дела улажена ко взаимному удовольствию обеих взмысленных и полуживых от усталости партнёров, а сон ещё не сморил разгорячённые тела? И как-то само собой получилось, что её рассказы стали ему интересны и нужны. Ведь в отличие от большинства других представительниц своей профессии, Каринэ отнюдь не ограничен

ная чисто постельно-денежными интересами самка, старающаяся привлечь хорошего партнёра сказками о том, что она почти невинная жертва обстоятельств...

Нет, Каринэ совсем не дура. За свои тридцать с небольшим лет она успела и попутешествовать, и побывать в разных качествах – жены, содержанки-любовницы, наёмницы, купчихи, и ещё кого-то... Про своё детство она не рассказывала никогда, но Конан понял, что образование его партнёра получила нешуточное – не чета его собственному, ограниченному сугубо практическими интересами и навыками.

Нет, Каринэ могла легко поддерживать разговор и о музыке, и о математике, и о медицине, и даже об астрологии и астрономии. А уж как она читала древние поэмы о любви... На трёх языках! Кроме того, наблюдательность и отсутствие предубеждений позволяло ей запоминать и обобщать разнообразные традиции, обычаи и сказки народов и стран, где она успела побывать. А таких набралось, как и у Конана, ох, немало.

Фактически с юности ей по каким-то неизвестным причинам, явно связанным или с гонениями на её семью, или смертью любимого человека, пришлось скитаться по всему свету, рассчитывая только на себя. Конан не пытался больше расспрашивать её об этих причинах, потому что до сих пор при упоминании о её юности на чело милого личика набегала тень, и Каринэ замыкалась в себе, или старалась как можно быстрее перевести разговор.

Так что какой дом она оставила, какую страну навсегда покинула, варвар не знал. Но годы скитаний и разные неизбежные приключения и потери закалили дух и тело молодой женщины. И вот наконец, она осела здесь, в далёком и скучном захолустье, где и сам Конан рассчитывал отсидеться и затеряться, в связи с удалённостью крохотного султаната от караванных путей и большой политики.

Но в отличие от киммерийца у Каринэ не было ни денег, ни друзей. А враги если и были, то вряд ли общие. Уж воровским-то промыслом она явно никогда не интересовалась... А вот каким – интересовалась, Конан так и не смог узнать. Ну и ладно.

Так что обратившись для выживания к древнейшей профессии, предрассудков Каринэ в её отношении не испытывала. Впрочем, как и иллюзий: лет через десять она, состарившись, и, скорее всего, спившись, не будет нужна никому.

Иногда Конан думал, что она так хороша в постели именно потому, что живёт сегодняшним днём, понимая, что завтрашнего может и не быть: совсем, как он. А иногда ему казалось, что у неё чисто мужской склад ума и характер – поэтому в постели она всегда прекрасно понимает, что нужно каждому конкретному мужчине, и даже лучше него самого!

Решено! Остаток денег (конечно, кроме неприкосновенного запаса!) он истратит именно на неё! Хватит уже дурацких метаний из кабака в кабак! Там везде одно и то же – притворно-фальшивые, потные, вечно глупо и пошленько хихикающие, и готовые на всё за деньги клиента, глупые куклы. Здесь же, пусть иногда насмешливая, ироничная, сердитая, непокорная, но – цельная и сильная натура! Недаром же ещё в самый первый раз хозяин предупредил Конана: штучка с норовом, на любителя!

И точно: он вспоминал теперь с усмешкой – в тот, самый первый, день они и поругались, и даже подрались. Произошло это от того, что он был здорово пьян, и хотел командовать!

Безраздельно, так сказать, повелевать. Хотел вот так, и вот так, а потом и вот эдак. Ну и, наконец, узнал, кто он, и что он, и куда он должен засунуть свои дурацкие амбиции, и прочие «причиндалы»!

Она влепила ему в ответ на его солёные шуточки и «распушенные» волосатые лапы здоровенную оплеуху! И даже попыталась убежать! Как будто можно вырваться из цепких и могучих рук Конана!

Но покорила его не ловкостью и силой, удивительной в таком миниатюрном теле, в серьёзной для неё и такой смешной и странной для варвара драке... Нет, тронула и покорила его сердце она уже потом, когда её игривое, как считал вначале киммериец, сопротивление

было сломлено – тихими слезами и разумными словами. Вот тогда-то и дрогнуло что-то в его зачерствелой душе, и он даже устыдился и протрезвел.

Но повёл он себя тогда вполне достойно настоящего мужчины: он извинился.

Извинился перед проституткой!

А позже он убедился, что поступил единственно правильным способом: поведение Каринэ не было игрой, рассчитанной на то, чтобы вытрясти побольше денег из него, или заинтересовать его как-то собой, и привязать к себе, играя на чувстве вины – нет, она и вправду была гордой и независимой натурой. И поведение пьяного наглого варвара действительно сильно оскорбило её. А больше всего её задело его заявление о том, что он может купить её и всех остальных шлюх города со всеми их продажными потрохами. Вот когда она взъярилась по-настоящему, и глаза Конана спасла только быстрая реакция!..

Конан снова усмехнулся про себя, блаженно потянувшись расслабившимся телом. Нет, такой женщине не место в борделе! Скорее, ей подошли бы меч, кольчуга и копьё. Настоящая амазонка. Но – только по духу. Сложение тела и тип лица никак не походили на статных и крутых воительниц с крепкими подбородками, с которыми Конану выпадало удовольствие (иногда – и наоборот) встречаться. А иногда он даже думал, что всё-таки уместнее всего его миниатюрная «умничка» смотрелась бы на троне...

Тут его приятно-ностальгические воспоминания и размышления были прерваны солидным тычком в обнажённую грудь, и маленькая взъерошенная воительница возникла вдруг перед ним, оседлав его мускулистые чресла:

– Эй, варвар волосатый! Самец гориллы! Заснул, что ли? За каким чёртом я тогда тут надрываюсь?! Ну-ка, вставай! – последнее замечание, впрочем, было обращено не к Конану, – Ещё ни на одно похотливое животное я не тратила столько сил и времени! Давай-давай, жеребец ты этакий!

Конан усмехнулся, уже вслух, но глаз не открыл, включившись в игру.

Уже давно такие слова, как «варвар», или «животное», перестали быть в устах его прелестной партнёрши оскорблением. Хотя тогда, в самый первый раз, он здорово обиделся. Но нашёл в себе мужество признать – сам виноват: вёл себя, действительно, по-свински. Ну, или по-обезьянни. Поэтому так теперь и обзывают. В шутку. Но он тогда, после её речи (весьма, как он теперь понимал, справедливой) извинился искренне.

Поэтому и был прощён. Поэтому и перешло их довольно долгое общение во что-то вроде... настоящей дружбы.

Как это получилось? Он не знал. Но что-то же заставляло его снова и снова возвращаться к Каринэ. Ведь не простая же похоть! Для услаждения только тела в Ферхеме было достаточно кабаков, борделей, и девиц в них, готовых и правда – на всё. За деньги.

И хотя тела у многих были и пороскошней и поподатливей, чем у невысокой и мускулистой Каринэ, Конан неизменно находил их речи – глупыми, ужимки – пошлыми, и даже цветущая молодость, податливость, и искущённость в альковных утехах не делали их привлекательней. Было в них что-то однообразное, какое-то... скучное, что ли. Да и не только здесь, в Турфане, а и в других странах – в жрицах-профессионалках было... что-то неопишное, но такое обрыдшее, что здорово ему приелось. А иногда и раздражало.

Словом, не было изюминки! Точнее объяснить он не смог бы. А вот здесь, как раз изюминки-то было хоть... Пора!

Ага, попалась! Руки Конана безошибочно схватили взвизгнувшую в притворном испуге партнёршу за точёную талию, и, легко приподняв, он придал её телу нужное положение.

– Бессовестная свинья! – Подловил-таки! – констатировала бывшая наездница, колотя кулачками по крепкой спине, – Так нечестно! Ах, ты ещё и щекотаться!.. Ну погоди!

Впрочем, скоро возмущение – на этот раз действительно притворное! – перешло в глубокий вздох и стон, возбуждавшие варвара сильнее, чем наигранные подвывания сотен покор-

ных, и глубоко внутри ко всему абсолютно равнодушных, коров. По другому их и не назовёшь. И не во внешности здесь дело!

Около получаса Конан был слишком увлечён, чтобы на что-то реагировать.

Затем они освежились вином и фруктами, и поболтали. Тему, как всегда, предложила Каринэ, Конан же с интересом слушал. Сегодня он узнал много нового и интересного о повадках, привычках и способах охоты клана Сингхов на королевских тигров в джунглях Вендии. А затем и странных обрядах и ритуальных гимнах, которыми заклинают охотники уже мёртвое тело хищника простить их, и взять покровительство над деревней их клана. Ну... своеобразные обычаи. Особенно тот, где торжественно обносят всю деревню тигриным... гм-гм. Что же до танцев и песен до рассвета, и пиршестве со щедрыми возлияниями, и «распущенностью» нравов, то он и сам бы не прочь поучаствовать.

Надо же, сам он, конечно, бывал и в Вендии. Но только в качестве наёмника. Разумеется, обряды и обычаи крохотных деревень, глубоко затерянных в девственных джунглях, прошли мимо его внимания. А, оказывается, зря. Ведь праздные развлечения знати, когда того же тигра травят собаками, и добивают градом стрел и копий – совсем не то, чем когда его выслеживают и убивают несколько пеших и почти безоружных туземцев, без кольчуг и мечей, да и часто – вообще без одежды. (чтоб поменьше было запаха!) Смелые они, однако, люди. Кое-какие приёмы пригодились бы и Конану, если бы он в своё время знал, у кого их перенять.

Однако вскоре их разговор сошёл на нет, возбуждение улеглось, и приятная расслабленность и дремота сморила обеих уставших любовников.

Но ничто не могло помешать истинно варварским инстинктам Конана уловить опасность.

Сверхчуткий слух различил еле слышные звуки со стороны дверного засова, и вмиг оружие киммерийца оказалось в его руке. Не привыкший спокойно ждать, пока его зарежут, словно курёнка во сне, могучий варвар как был, без одежды, бесшумно пробрался к двери.

Дело, к сожалению, испортила Каринэ, разбуженная движением партнёра. Она, не придя ещё в себя, сонным голосом спросила:

– Конан, кто там ?

Из-за двери донеслось странное тихое шуршание, словно оттуда быстро разбежались несколько человек, в мягкой обуви и тяжёлых шуршащих плащах. Но почти сразу же раздался тихий женский голос:

– Простите, я ошиблась дверью!

Конан, хоть элемент внезапности и был утерян, тем не менее резко снял засов и распахнул дверь, прислушиваясь и держа меч наготове.

За дверью и вправду была женщина. Явно тоже проститутка, судя по одежде с кружком синего цвета на плече, но одна – без клиента, или клиентов. Те, судя по звукам скрипа и шуршания, осторожно удалялись по лестнице, спускаясь на первый этаж.

Нет, клиенты шлюх так себя не ведут. Так ведут себя... наёмные убийцы. Использующие вот такую шлюху – для прикрытия. Так в чём же дело?

Конан, заинтригованный и раздосадованный, взглянул прямо в лицо стоявшей на пороге миловидной, но ещё и в три слоя наштукатуренной женщины. Она же, в свою очередь, не без интереса смотрела вниз. Конан не придумал ничего лучше, как закрыться мечом.

– Что тебе надо? – довольно грубо спросил он. Его подозрения подогревало то, что хоть его знакомство со шлюхами Ферхема было весьма капитальным, этой он не видел ни разу за все полтора месяца. Профессиональная подсадная утка?

– О, ничего. Я же сказала, что ошиблась. – проворковала женщина, всё ещё глядя вниз. Тон говорил о том, что у неё... потекли слюнки – если только *это* можно назвать так!

– Вот как. – с расстановкой отозвался Конан, схватив её несколько грубо за плечо, и втаскивая в комнату, – А твои друзья в плащах тоже ошиблись? Или они испугались меня?

– Какие друзья? О чём вы? Я не понимаю! – игра женщины была хороша, но не настолько, чтобы обмануть нутром чувствовавшего враньё варвара, решившего поэтому продолжить допрос. И голову к плечу она склоняла как-то... Слишком уж нарочито. Конан открыл было рот, собираясь спросить о целях спутников женщины, но тут неожиданно вновь влезла Каринэ:

– Лавина! Что ты здесь делаешь?

– О, Каринэ! – обрадовалась, словно спасительному кругу, покрывшаяся было бледными пятнами, и начавшая извиваться в могучих руках киммерийца женщина, вопросу коллеги, – Как я рада, что ты здесь! Ну скажи же ты своему... клиенту, что я просто ошиблась! Я вовсе не хотела мешать тебе... работать!

– Конан! Ну почему ты так груб с ней? Это же просто Лавина. Она такая же как и я... э-э... жрица любви! – замялась на секунду непрощенная заступница, даже прикусив отчего-то губу, – Отпусти её!

Конан, хмыкнув недовольно, разжал руку, чем незваная гостья и поспешила воспользоваться, метнувшись к двери, и выскользнув за порог. Тем не менее, она успела наиграно-возмущённо бросить:

– Мужлан неотёсанный! Бедная Каринэ!

– Кто она? – задумчиво спросил Конан, глядя вслед удалившейся за своими странными, чтобы не сказать больше, спутниками, женщине.

– Да она просто такая же, как и я. Словом, конкурентка. А что, понравилась? – тон нежного голоска стал вдруг подозрительно грозным.

– Нет. – правдиво ответил киммериец, – Не понравилась. И то, как она пришла, мне не понравилось. – про насторожившие его мужские шаги и странные шорохи Конан решил пока не говорить. Может, он и вправду делает из мухи слона? Нет, себе он доверял. Всё это не спроста. Но Каринэ пока этого знать не надо.

– Да брось ты, мой подозрительный воин-охотник! Я её знаю уже пару лет. Правда, обычно она промышляет в «Золотом Льве». А здесь я её раньше не видела.

– Я бывал в «Золотом льве». И в других постоянных дворах и кабаках. Но её что-то нигде не встречал!

– Хм. Вообще-то, знаешь, ты прав. Мне говорили... другие коллеги... что её и вправду, уже месяца два на работе в обычных местах не видно. Наверное, ей повезло – кто-нибудь нанял на... э-э... постоянную работу. В смысле, в содержанки. – тепла или сочувствия к Лавине Конан в тоне Каринэ не ощутил. Похоже, она вертлявую лицемерную женщину недолюбливала.

– Мне не понравилось выражение её лица. Что-то в нём есть от хорька... и обезьяны – хищное, жестокое и... непорядочное, что ли. И глаза какие-то... затуманенные!

– Ах, это... Это от листьев ханки. Она давно к ним прирастилась. Просто я... Хм. Я думала...

– Ну, договаривай! Что там у вас с ней было?

– Свинья! Как ты можешь!.. – она возмутилась было, затем поняла, что её партнёр ехидно ухмыляется, – Нет, я хотела сказать только, что листья эти быстро изнашивают человека. Хотя, конечно, они куда крепче вина. В-смысле, веселят и уносят от мирских забот и боли – если у кого какая болезнь... Но они и... Вот как ты думаешь, сколько ей лет?

– Ну... лет сорок. – Конан привык доверять зрению и опыту.

– Ошибаешься, мой дорогой остроглазый варвар! Ей – двадцать девять. Она помоложе меня. Но она уже не может остановиться. И где она только берёт деньги? Листья ведь очень дороги, а она уже не слишком-то привлекательна!

Замечание Каринэ было продиктовано, пожалуй, не только вполне объяснимой ревностью. Конан не без усмешки вспомнил, как откровенно пялилась на него Лавина. Только что не облизывалась. В близких подругах Каринэ она явно не числилась. И вряд ли будет когда-нибудь.

Нет, коллега его рыжей миниатюрной партнёрши Конану решительно не понравилась. И не только потому, что уж слишком хорошо подходила на роль предательницы и провокаторши. Конечно, чтобы достать денег на очередную порцию листьев, такая пойдёт на всё. Но что же за люди наняли её? Что этим негодьям могло понадобиться от Конана? Ограбить его? Хм.

Маловероятно. Ведь теперь он умнее – деньгами в нос другим не тычет. Да и с собой у него лишь небольшая сумма. А основное своё богатство он надёжно закопал недалеко от Ферхема, так, что даже с собаками не найти! Правда, при теперешних темпах, его «заначки» хватит не больше, чем месяцев на пять-шесть. Потом снова придётся браться за работу. Поэтому подсознательно, или уже целеустремлённо, он приглядывался и здесь...

Кстати – об этой самой работе. Не нашли ли его люди Вазифбея?!

Вот это был бы номер!

Нет, те, пожалуй, просто убили бы его, зная, что захватить живьём такого воина будет сложновато – а голову доставили бы хозяину. Для «отчёта».

Ну а если всё-таки, они планируют взять его живьём – для пыток и унижений? Тогда... Вероятно, они хотят убедиться, что это именно он – а уж потом постараются захватить его, наняв людей побольше... Хм-хм.

Ну, нет. Не на того напали. Конан не любит, когда на него охотятся. Он умеет за себя постоять. Решено – завтра он ими займётся! Выследит, поймает, и узнает всё. Пусть пытаться он не умеет, но развязывать языки – ещё как! Берегитесь, глупцы! Второй попытки у вас не будет! Зря вы так беспечно засветились!..

– Ну хватит так грозно сжимать кулаки! – вывел его из задумчивости возмущённо-игривый голосок, – Уж если хочешь наказать женщину за доставленные неприятности, – отомсти ей с её соперницей! – это мудрое замечание было подкреплено нарочито медленным приподниманием одеяла, и недвусмысленной демонстрацией... орудия отмщения.

Может, кто и стал бы ждать более подробного разъяснения, но не Конан! Все мысли и заботы завтрашнего дня как-то вдруг сами собой куда-то исчезли!

Он тоже будет жить, как и всегда – наслаждаясь сегодняшним днём!

Утром – правильней сказать, поздним утром – оставив притомлённую Каринэ досыпать на широком ложе своей комнаты, Конан спустился поговорить с хозяином постоялого двора.

Время завтрака давно прошло, а обед ещё и не думал начинаться, так что в большом и насквозь прокопчённом нижнем зале почти никого не было, и это позволило варвару без помех пообщаться с весьма упитанным, и на вид – впрочем, внешнему виду Конан научился доверяться не всегда – вполне благообразным и законопослушным Эреком, заодно позавтракав.

Много толку, правда, с этого общения не вышло. Пятидесятилетний хозяин, пороссячы глазки которого гаденько бегали от прямого взора Конана, признал только, что да, сегодня ночью тут была Лавина. Вроде, как обычно, пыталась подзаработать. Но – неудачно. Никого она не подцепила. Да и была недолго. Куда и с кем ушла – он не видел. Может, и был с ней кто. Нет, он лично никого не заметил. Что же он, за каждой шлюхой будет смотреть? Для этого у них сутенёры есть... Нет, сутенёра Лавины он не знает...

Конан применил обычный способ улучшения памяти и зрения, равно как и слуха, в виде симпатичного золотого кружка. Но даже полновесная монета не развязала языка Эрека. Наоборот, вместо алчности и заинтересованности в глазах прожжённого аргосца – Эрек жил в Турфане около двадцати лет – зажглось что-то вроде страха, и он весь как-то настороженно скособочился, и подался назад. Тревожный признак.

Значит, кто-то или очень хорошо заплатил хозяину за молчание, или запугал пожилого, но ещё вполне крепкого здоровяка. А скорее всего, и то и другое. А раз так, то это, в свою очередь, о многом говорит: во-первых, и вправду здесь творятся какие-то подозрительные дела. А во-вторых, этих таинственных ночных посетителей Эрек боится явно больше, чем какого-то Конана. То есть, хорошо их знает, знает, на что они способны, и будет молчать об их тёмных

делишках, даже если ему заплатят больше. А не знать – не может. Без его ведома-то здесь, на постоялом дворе, ни одна мышь не проскочит...

Большая ошибка. В смысле того, кого надо бояться больше!

Ладно, время хорошенько надавить на продажную душонку ещё не настало. Рано пока играть в открытую. Конан и сам сможет всё прекрасно выяснить. Ферхем – город достаточно большой и цивилизованный... Старые знакомые с определёнными связями у варвара нашлись и здесь. И он готов щедро платить за нужную ему информацию. Всё же определённая репутация и толстый кошелёк могут здорово помочь, поскольку удачливость, равно как и непримиримость к предательству у киммерийца, нужным ему людям хорошо известны.

Грозно сверкнув очами, Конан вышел на улицу. С деланно лениво-равнодушным видом осмотрелся, потягиваясь.

Направил он свои стопы в старый город, к восточным воротам. Он не слишком спешил, и часто незаметно осматривался, делая вид, что разглядывает товары и изделия, развешанные внутри и возле лавчонок, в изобилии встречавшихся на узковатых и кривоватых немощёных грязных улочках этой части небольшой, но всё же столицы.

Всё, чем богат Ферхем, он давно знал.

Слежки он однако, как ни старался, не обнаружил. Это могло означать лишь две вещи: либо ночные посетители не имели к Вазифбею отношения, либо решили ждать следующей ночи, или более удобного момента, рассчитывая, что Конан не изменит своего места обитания. То есть, ему была предоставлена фактически полная свобода действий. Довольно странно. Или – глупо с их стороны. Это уж как посмотреть.

Впрочем, всё правильно: они же не знают Конана достаточно хорошо. А он не будет сидеть сложа руки. Всё, что ему нужно – независимый источник информации. И он знает, где взять такой. Денег хватит. А в крайнем случае – он будет действовать и сам! Подчищать за собой хвосты и оплачивать старые долги – к такой работёнке ему не привыкать. Ещё не один «кредитор» не жаловался. Ну, во-всяком случае, на этом свете...

Торговцы и зазывалы, за эти семь-восемь недель почти привыкшие к суровому гиганту-варвару, интересовавшемуся лишь оружием, уже не докучали ему своим разноязыким гвалтом, а кое с кем он даже раскланивался, как старый клиент. Показав себя подлинным знатиоком всего продаваемого арсенала, он успел внушить уважение к своему профессионализму.

Завернув за очередной угол, Конан вдруг ускорил шаг, и свернул в грязный даже сильнее обычного, и тёмный проулок. Через тридцать шагов он нырнул в низкую, ничем неприметную дверь.

Внутри царил полумрак, совершенно не мешавший варвару, так же как и мальчонке, с каменным выражением на лице сидевшему у входа на истрёпанной циновке. Правда, кинутая Конаном медная монета была поймана ещё на лету, и исчезла совершенно бесследно под рваной хламидой, хотя положение тела и направление взгляда бормочущего монотонную молитву маленького чумазого стража совершенно не изменилось.

Быстро лавируя между узкими перегородками крохотных тёмных каморок с разным товаром, и просто откровенным барахлом, или – просто постелями, на которых в этот час никто не отсыпался, киммериец безошибочно пробрался сквозь странный мрачный лабиринт. Пройдя затем точно таким же, как мальчишку, образом, старую толстую женщину с огромной бородавкой на носу, охранявшую второй вход, он вынырнул в очередной грязный и тёмный проулок.

Через пару минут он очутился на нужном месте, и, расставшись с очередной монетой, оказался препровождён к тому, к кому, собственно, и шёл. В это время можно было рассчитывать, что нужный «специалист» не занят.

Скупщик краденного, сутенёр, посредник, содержатель сети подпольных игорных домов, купец, поставщик наркотических веществ, оружия, и прочая и прочая, – словом, почтенный седой бизнесмен Дерхем-оглы, получивший своё странное имя, согласно романтической

семейной легенде, из-за пристрастия своего отца к определённого вида валюте, важно откинувшись на роскошные ковры и подушки, сидел перед ним.

Закрыв глаза, он перебирал простые чётки из фундука, и что-то гнусаво бормотал себе под нос – не то молился, не то – Конан не обольщался насчёт благообразного старца! – планировал, как устранить очередного конкурента. Задумчивый, оливкового цвета гигант-охранник, великолепно умевший, как знал Конан, метать любые ножи, молча и без всякого выражения на лице наблюдал за киммерийцем. Тот же, в свою очередь, за некоронованным владельцем этого, а, возможно, и не только этого квартала города, ожидая, когда тому надоест ломать комедию.

Конан прекрасно знал, что его старый знакомый, известный ему ещё по похождениям в Шадизаре, может с равным успехом поклоняться официальным богам хоть сотни стран, но... Истинный Бог для него один – чистоган.

Однако варвар понимал, что, очевидно, местный менталитет вынуждает «почтенного и богобоязненного» старца поддерживать видимость религиозного рвения. Конан всегда в таких случаях цинично посмеивался, впрочем – про себя, не видя пока для себя особой нужды в таком поведении. На верования других – показные или истинные – ему было глубоко наплевать, поскольку для него подлинным Богом был только один: суровый северный Кром. Хотя сказать, что варвар часто вспоминал, или обращался к нему, было нельзя.

Наконец Держем-оглы заткнулся и разлепил один глаз, а затем и второй.

– Приветствую тебя, достопочтенный многоуважаемый хозяин! – избегая имён, иронии и акцента, Конан говорил спокойно и негромко.

– Привет и тебе, мирный странник, почтивший своим визитом скромное жилище ничтожнейшего из слуг Мирты Пресветлого, – отозвался не менее равнодушным тоном старый заморанец, – Подойди же ко мне поближе, и располагайся, прошу тебя!

Приглашающим жестом он указал на ковры и циновки перед низким восточным столиком – дастарханом – на котором были расставлены блюда с фруктами, свежими лепёшками, и сладостями. Там же стояли чайники и чайнички с, как знал Конан, несколькими видами ароматного чая, и настоями трав, и неизменные восточные пиалы.

Конан не заставил себя долго упрашивать, подошёл и сел напротив хозяина по-фарсидски, ловко скрестив могучие ноги.

– Пожалуйста, сделай честь моему дому, угощайся! Извини, что так скромно – чем, как говорится богаты... – тем же бесцветным голосом предложил Держем-оглы, и Конан, отломив солидный кусок лепёшки, щедро посыпанной душистым кунжутным семенем, запил его зелёным чаем, который старик, зыркнув хищным умным глазом из-под кустистых седых бровей, разлил в две пиалы сам. Киммериец знал, что отказаться от угощения, пусть даже символического, никак нельзя – смертельная обида хозяину! Ведь только в доме врага нельзя ничего есть и пить. А против восхитительных белых лепёшек он ничего не имел.

Пару минут они, словно бойцы перед схваткой, испытующе поглядывали исподлобья друг на друга, неспеша попивая и жуя. И лишь допив напиток, настолько крепкий и терпкий, что аж сводило скулы, Конан чинно спросил переставшего жевать хозяина:

– Всё ли благополучно в твоём доме, почтенный хозяин, здоровы ли твои близкие? Да продлит Мирта Благословляющий дни твоей жизни и ниспошлёт здоровье и счастье всей твоей семье!

– О, благодарю за твоё внимание, уважаемый гость мой! Милостью господина моего всё благополучно и мирно в моём доме и семье. Могу ли и тебя спросить о драгоценном здоровье и бодрости твоего, столь неугомонного, духа?

– Спасибо, любезный хозяин мой! Всё благополучно и у меня, милостью Мирты Пресветлого и Охраняющего!

Ещё несколько мгновений они помолчали, сохраняя исключительно равнодушное выражение на лицах. Конан умышленно не начинал разговор первым. Это было невежливым. По местным обычаям и традициям.

– Позволишь ли ты спросить у тебя, всё ли идёт успешно у тебя, принёсшего столько радости мне, скромному и удалившемуся от мирской суеты усталому старцу своим посещением, с делами твоими? Благословили ли Боги твои начинания и полон ли сундук дома твоего? – символическое понятие «сундука» в этой стране буквально означало – закрома, запасы, благосостояние человека – ну, то есть, кредитоспособность.

– О, как я польщён твоим высоким вниманием, многоуважаемый хозяин, к моей скромной персоне! Хвала богам, я вполне благополучен. Позволь и мне, в свою очередь, поинтересоваться, послана ли и на твой дом милость всевышнего и его щедрость? Да не иссякнет никогда твой гостеприимный дастархан, да живут всегда в достатке твои дети, внуки, правнуки и их дети!

После дежурных, ничего не значащих, но обязательных вежливых фраз, предназначенных, скорее, для ушастых стен, если бы Конан досконально не знал своего знакомого, ни за что не допустившего бы крыс в своём оплоте, или, скорее, для тренировки в местном стиле общения, они перешли к делу.

– Дозволительно ли мне, многоуважаемый гость мой, узнать, что привело тебя в скромный приют ничтожнейшего из подданных многомудрого и всемилостивейшего султана нашего, его величества Боташа?

– Разумеется, радушнейший и любезный хозяин! Позволь принести тебе тысячу извинений, что оторвал тебя своими ничтожными и пустыми проблемами от твоих собственных дел. Но мне так нужны помощь и совет того, кто действительно разбирается в сложностях жизненных перепитий, и нравах и обычаях жителей славного Турфана! Окажешь ли мне милость, и позволишь ли изложить дело конфиденциально?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.